



УДК 34

Феномен государственного насилия в контексте философско-правовых парадигм

Мекка Олег Алексеевич, декан юридического факультета Муромского института (филиала) Владимирского государственного университета имени А. Г. и Н. Г. Столетовых, кандидат философских наук, доцент

mekka58@mail.ru

Аннотация: В статье рассматривается проблема определения насилия как метода реализации политики и способа регулирования общественных отношений. **Ключевые слова:** насилие, государственное насилие, теория государства и права, философия права.

Насилие как метод реализации политики и способ регулирования общественных отношений сопровождает всю историю государства. Насилие как особый феномен осмысливалось как в философии права, так и в теории государства и права. Анализ научной литературы по данному вопросу показывает, что в современном обществе может происходить своего рода «демонизация» феномена государственного насилия. Причины этого легко понять в контексте социальных реалий XX в.: мировые войны, революции, сопровождаемые политическим террором, функционирование авторитарных и тоталитарных режимов — все эти явления вызывают естественный

протест и порождают стремление вынести насилие за границы цивилизованных правовых отношений, а также гуманизировать терминологический аппарат. Но насколько уместна такая позиция?

Примером может служить статья Б. К. Мартыненко «Может ли насилие в политике быть оправданным?» Автор, ссылаясь на ряд авторитетов, в частности, на мнение видного специалиста в области этики А. Гусейнова, доказывает, что политическое насилие — это не только средство решения политических задач, но и цель. Утверждается также, что власть «опирается на насилие, как правило, тогда, когда перестает соответствовать своему

UDC 34

The phenomenon of state violence in the context of philosophical and legal paradigms

Mekka Oleg Alekseevich, dean of the law faculty of the Murom Institute (branch) of Vladimir State University named after A. G. and N. G. Stoletovs, candidate of sciences (philosophy), associate professor

mekka58@mail.ru

Annotation: In the article the author considers a violence definition problem as method of realization of policy and way of regulation of the public relations. **Keywords:** violence, state violence, theory of the state and law, legal philosophy.

понятию, лишается поддержки населения. По сути — насилие разрушает власть» [6, с. 24–26].

В данном случае, по-видимому, происходит неявный переход от объективной характеристики правоотношений в область моральных оценок отдельных субъектов правоотношений, для которых действительно, насилие может превращаться в цель или самоцель. Речь идет о различного рода тиранах, их политических структурах, действия которых, особенно на завершающей стадии их существования, часто носили (и носят) иррациональный, бессмысленно-разрушительный характер. Этого, кстати, часто не наблюдалось на ранних этапах становления авторитарных

режимов, действия которых оценивались большинством населения как необходимые, разумные и вполне обоснованные. В качестве примеров можно привести массовую народную поддержку фашистского режима Б. Муссолини или национал-социалистического режима А. Гитлера, которые широко использовали насилие не только в целях военного и физического воздействия на внутренних и внешних врагов, но и для относительно быстрого решения социальных проблем, таких как безработица и преступность. Но и опыт развития демократических государств демонстрирует регулярное использование насилия, хотя в менее широких масштабах. Вряд ли правомерно рассматривать насилие как нечто



из ряда вон выходящее, как такую крайность, которая является совершенно нетипичной для демократического государства и проявляется лишь в исключительных ситуациях.

Такая позиция представляется принципиально неверной, поскольку формирует и поддерживает не критическое отношение общества к государству и его методам регулирования общественных отношений. Насилие в любых ситуациях, — это стандартное, обычное средство, употребляемое любым государством для выполнения своих функций, являющееся объективным следствием государственного суверенитета. Насилие следует понимать как изменение статуса или поведения социальных субъектов (даже помимо их воли), другим субъектом. Подобные определения в отечественных изданиях даются, как правило, для понятия «принуждение». Для сравнения приведем определение В. В. Лазарева и С. В. Липеня: «Государственное принуждение — это возможность государства обязать субъекта помимо его воли и желания совершать определенные действия» [4, с. 519].

Представляется, что термин «насилие» в отечественной традиции не принято применять к характеристике деятельности государства также потому, что он занял прочное место в уголовном праве. Известно, что в этой отрасли права выделяется особая группа насильственных преступлений, при этом насилие подразделяется на физическое и психологическое. Кроме того, в уголовном праве выработана и определенная позиция по вопросу соотношения понятий «насилие» и «принуждение». Следует согласиться с Н. В.

Иванцовой, которая пишет, что принуждение является «одной из главных функций насилия» [2, с. 14].

Анализируя феномен насилия, необходимо разграничить и уточнить основные понятия.

Во-первых, существует насилие как законодательно оформленное средство регулирования общественных отношений. Обычно из чисто идеологических соображений, о которых сказано выше, его называют принуждением, но смысл от этого не меняется: в любом случае оно направлено на изменение социального положения и поведения социальных субъектов, невзирая на их собственные устремления.

Во-вторых, существует противозаконное, т. е. преступное насилие, которое может характеризовать как государство и его органы, его представителей, так и граждан и их группы.

Наконец, можно говорить о незаконном насилии как такой форме действия, которая не регламентируется законодательством, но распространена повсеместно, например, в оперативной управленческой деятельности, и которая имеет разнообразные формы проявления: устные или письменные требования, распоряжения, определяющие поведение подчиненных субъектов. Все эти формы регулирования корпоративных отношений охватываются такими понятиями, как «управление» и «руководство». Несмотря на «мягкий» характер этих терминов, мы понимаем, что в рамках отношений субординации люди действуют далеко не всегда в соответствии с собственными, внутренними мотивами. Показательным здесь являются прямо относящиеся

к сфере внутриорганизационных отношений термины «стимул» (лат. stimulus — острый металлический наконечник на шесте, которым погоняют буйвола (быка), запряженного в повозку) и производный от него термин — «стимулирование».

Действительная проблема состоит в том, чтобы понимать, насколько насильственные действия государства легитимны и легальны. Первый аспект, по М. Веберу, означает наличие поддержки действия государства со стороны общества, народа. Легальность следует понимать как соответствие действий государственных органов законодательству. Важно также понимать, какие факторы влияют на динамику насилия, следовательно, в каких случаях правовые регуляторы (в данном случае меры предупредительного воздействия, меры пресечения и меры защиты) ужесточаются или, наоборот, становятся более мягкими.

Следует признать, что в демократическом социуме насильственные меры регулярно инициируются не только государством, но и представителями гражданского общества, требующими, например, отмены моратория на смертную казнь, выселения неплательщиков из занимаемого ими жилья, расширения прав на самозащиту от внешних агрессивных действий и т. п. Законодательная власть в лице парламента, являясь связующим звеном между обществом и государством, постоянно определяет адекватную меру насилия и санкционирует ее, воплощая в нормы права. Применительно к государству, превышающему необходимую меру насилия, следует гово-

рить о противоправном насилии или правом произволе.

С учетом того, что снижение уровня государственного насилия является генеральной целью всех демократических государств, необходимо видеть связь вопроса о насилии с трактовкой права как социального явления. Принципиальное теоретическое значение имеет рассмотрение феномена насилия в контексте основных философско-правовых парадигм, поскольку именно они формируют базовые представления о праве.

В истории правовой мысли достаточно ясно обозначены место и роль насилия в деятельности государства. Об этом свидетельствуют теории, сформировавшиеся в рамках основных философско-правовых парадигм — легизма (позитивизм), юснатурализма (естественно-правовой подход) и либертаризма.

Легизм — правовая концепция, восходящая к древнему Китаю, обосновывавшая особую роль государства в жизни общества, включая максимальный контроль всех сфер общественной жизни со стороны государства. Именно легизм сформировал представление о насилии как главном атрибуте государства, а его современная форма — позитивизм — был наиболее авторитетным правовым направлением вплоть до середины XX в.

Для легизма характерна абсолютизация насилия как средства регулирования общественных отношений. Позиция легистов качественно отличается, например, от конфуцианской теории в которой насилие изначально выносятся за рамки человеческого общества и утверждается возможность гармоничного прав-



ления на основе взаимопонимания правителя и народа [1; 5, с. 304]. Следует согласиться с В. В. Лапаевой, которая пишет: «В отраслевом правоведении, учебном процессе и правовой практике в целом по-прежнему доминирует легистский подход, трактующий право как совокупность норм, установленных или санкционированных государством и снабженных мерами государственного принуждения» [3].

Действительно, практически в каждом учебнике по правоведению или по теории государства и права представлен именно такой подход к праву. Этого не избежали и авторы учебника Высшей школы экономики, учебного заведения, известного своей либеральной направленностью [7]. Следуя данной традиции, поддерживаемой усилиями правоведов, общество неизбежно будет отдавать приоритет государству во всех вопросах, в том числе и в определении меры государственного насилия.

Чтобы переломить легистскую традицию, необходимо утверждать в теории и практике понимание права как меры воплощения свободы социальных субъектов, взаимодействующих на принципах формального равенства т. е. синтезировать естественно-правовой и либертарный подходы к правопониманию.

Примечания

1. Великие мыслители Востока / пер. с англ. Н. Барановой, А. Блейз, С. Зинина, А. Коваля, Я.

Никитина. М.: КРОН-ПРЕСС, 1999.

2. Иванцова Н. В. Отражение и оценка общественной опасности насилия в уголовном праве: вопросы теории и практики: автореф. дис. д-ра юрид. наук. Казань, 2005.

3. Лапаева В. В. Типы правопонимания: правовая теория и практика. М.: Российская академия правосудия, 2012.

4. Лазарев В. В., Липень С. В. Теория государства и права. Углубленный курс. М.: Юрайт, 2012.

5. Философский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1983.

6. Мартыненко Б. К. Может ли насилие быть оправданным? // Общество и право. 2011. N 5.

7. Основы права: учебник. М.: Норма, ИНФРА-М, 2015.